Алексей Савин

(РАНХиГС, Москва; Московская школа управления «Сколково»;
Институт феноменологии Томского государственного университета)

Ему было дело до людей…

О том, что в Минске в 2004 году нам будет читать Бернхард Вальденфельс, я знал заранее. Сказал мне об этом мой друг, историк феноменологии и переводчик Рильке, Хайдеггера и Адорно, Евгений Васильевич Борисов. Масштаб предстоящего события — приезда крупнейшего в мире феноменологического философа — был понятен.

Имя этого немецкого мыслителя было мне известно со студенческих времен, когда на философском факультете Томского университета мы читали и перечитывали небольшой текст Вальденфельса «Повседневность как плавильный тигель рациональности», переведенный и изданный Александром Фридриховичем Филипповым[4]. Разумеется, был известен и сборник фрагментов работ Вальденфельса «Мотив чужого»[5]. Незадолго до встречи в Минске я детально разобрал его статью «Опыт чужого в феноменологии Гуссерля»[6] в «Phänomenologische Forschungen», поскольку вопрос об отношении идей Вальденфельса того периода к осуществленному основателем феноменологии исследованию интерсубъективности более всего интересовал меня в то время. Готовился к разговору.

Лекции и семинары Вальденфельса в Минске длились всего неделю, но занятия шли каждый день с утра до вечера, а дискуссии продолжались и за столиками кафе, и во время вечерних прогулок. Это происходило легко и казалось само собой разумеющимся, хотя теперь мне трудно представить, как он, будучи уже тогда весьма немолодым человеком, мог общаться столько времени, на таком интеллектуальном уровне и с такой интенсивностью с людьми со столь разными горизонтами и формами предпонимания. Его слушателями и собеседниками были примерно двадцать пять кандидатов и докторов философских наук. В своем минском курсе 2004 года он по преимуществу разъяснял, развивал и отстаивал идеи, изложенные в его последней на тот момент книге «Линии разлома опыта»[7], демонстрировал их основания и вводил в более широкий контекст своих феноменологических воззрений.

В области феноменологии и философии вообще главной и непреходящей заслугой Вальденфельса является демонстрация неустранимой значимости опыта чужого и чуждости для конституирования всякого иного опыта, а также для учреждения, функционирования и распада институтов. Более того, раскрытие опыта чужого и чуждости, согласно Вальденфельсу, является основанием всякой критики, а потому и всякой подлинной философской работы.

---

4 *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигель рациональности // СоциоЛогос. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.

5 *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999.

6 *Waldenfels B.* Erfahrung des Fremden in Husserls Phänomenologie // Phänomenologische Forschungen. Bd. 22. Profile der Phänomenologie / Hg. von E.-W. Ort. Freiburg; München: Alber, 1989. S. 39–62.

7 *Waldenfels B.* Bruchlinien der Erfahrung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2002.

Безусловно, отправным пунктом этого хода мысли Вальденфельса, который он развивал на протяжении всей жизни, является радикализация гуссерлевского концепта чужого как «доступного в модусе оригинальной недоступности»[8], представленная в рукописях основателя феноменологии 1930-х годов, посвященных интерсубъективности.

Вальденфельс показывает, что чуждость не может быть сведена к особой предметной области или аспекту. Чтобы понять радикальность его мысли в этом отношении, отмечу, что это сведéние мы можем обнаружить зачастую и в весьма важных моментах даже у Гуссерля, который, вопреки приведенному выше своему совершающему философский прорыв концепту чужого (*fremde*), иногда понимает чужое как вполне устранимую посредством примордиальной редукции область, противостоящую самостоятельно существующей, а потому свободной от контаминаций, чистой сфере собственного. Еще более ясно, грубо и определенно по последствиям этот момент сведéния обнаруживается у Карла Шмитта и его последователей в их концепции политического, которое они трактуют как борьбу не на жизнь, а на смерть нас («своих») и врагов. При этом сущность врага, согласно этим теоретикам и практикам, заключается в его чуждости. Такое понятие политического не только ксенофобское, но и прямо человеконенавистническое, поскольку сводит существо политического к организации уничтожения чужих — либо мягкой, посредством полной ассимиляции, либо жесткой, посредством истребления — и приближается к трактовке политики как борьбы видов, т.е. как зоологии. Следствием этого сведéния у них является уже не очищение трансцендентального сознания от результатов чужеродных духовных функций, как это было у Гуссерля, а очищение экономики от власти чужого капитала, занимающее место борьбы против власти капитала как такового, равным образом эксплуатирующего и подавляющего и своих, и чужих трудящихся, или очищение науки от чужого влияния (и создание чистой «национальной биологии» или «подлинно национальной истории») и избавление от манифестирующего чуждость «дегенеративного искусства».

В 1976 году Вальденфельс становится одним из редакторов книжной серии «Феноменология и марксизм», связанной с известным югославским марксистским семинаром в Дубровнике. Он участвует в проекте обновления или, скорее, даже восстановления марксистской философии. Необходимость этого проекта обусловлена перерождением официального марксизма из освободительной мысли в *Legitimationswissenschaft* (использую здесь термин представителя второго поколения Франкфуртской школы Оскара Негта), т.е. в теорию, оправдывающую любую, в том числе и репрессивную по отношению к трудящимся, политику правящей партийно-советской бюрократии в странах восточного блока и приспособленческую по отношению к власти капитала, а значит/и следующую за ней, и не менее репрессивную по отношению к трудящимся, только в другой форме, политику руководства социал-демократических партий и профсоюзов в странах западного блока, — в теорию, тем самым становящуюся из момента освободительного движения в элемент системы господства.

С точки зрения Вальденфельса, существенным условием возможности для такого перерождения является вошедший в марксизм гегельянский элемент, связанный с идеями примирения (*Versöhnung*) противоположностей и снятия

8 *Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjectivität. Dritter Teil. Husserliana. Bd. XV / Hg. von I. Kern. Haag: Nijhoff, 1973. S. 629.

отчуждения, понятыми как преодоление всякой чуждости. Этот элемент является конститутивным для ставшего господствующим в западном марксизме гегельянского марксизма и определяет заданную еще Ждановым линию на разработку теории «неантагонистических противоречий при социализме», на приручение и одомашнивание подлинной марксистской диалектики в марксизме советском; примечательно, что атавизмы этой ждановской линии время от времени можно встретить и у современных западных марксистов-экологистов. В качестве противодействия этому ходу мысли Вальденфельс выдвигает идею «открытой диалектики», открытой прежде всего неустранимо инаковому опыту чужого, а следовательно, и открытой феноменологии.

Важной новацией Вальденфельса, в связи с его усилиями выявить и помыслить неустранимо и радикально чужое, является его переосмысление опыта (*Erfahren*) как того, что происходит со мной, субъектом (*Widerfahren*), причем так, что не я (субъект) определяет правила и линии его развертывания (не «захотел — посмотрел, не захотел — отвернулся», а так, что притягательность или отвратительность встреченного приковывают или отвращают «мой» взгляд), т.е. как встречи с конституирующим меня (в том числе сам «мой» взгляд) или «нас» чужим. Иначе говоря, согласно Вальденфельсу, до встречи с чужим меня и нас просто нет, и дело здесь не в корреляции понятий, а в генезисе структур, в том числе структур самого опыта. Потому опыт в принципе не может идти гладко. Из феноменологической задачи различения видов опыта как типов разрывов, следующей из этого переосмысления самого концепта опыта, вытекают вальденфельсовы идеи топографии чужого и топологии рациональности. Более того, даже то обстоятельство, что немецкий мыслитель продолжает считать осмысленным и разрабатывать гуссерлевский концепт «немого опыта», в котором нам преддано наше собственное тело и пространство первичных ориентаций и смысловых различий, — позиция, которой после «лингвистического поворота», затронувшего и феноменологию, придерживаются очень немногие феноменологи — я склонен считать результатом его чувствительности к чуждости языка и связанного с языком опыта, причем даже в его допредикативной форме. Само собой разумеется, что отсюда же вытекают и его специфические исследования взаимодействия культур и оснований ксенофобии.

Бернхард Вальденфельс испытывал живой и искренний интерес к русской жизни, к русской культуре и русской мысли. В 2004 году он только начинал учить русский язык и бывал охвачен совершенно детской радостью, когда ему удавалось прочесть минские вывески, и он, увидев названия «Мясо» или «Рыба», охваченный энтузиазмом открывателя кричал *Fleisch* или *Fisch*, а я посмеивался про себя, что у него после этой поездки будут некоторые проблемы с правописанием, поскольку, например, слово «молоко» на минских вывесках было написано в полном соответствии с белорусской орфографией, т.е. «Малако». Однажды он спросил нас, сказав, что учит языки по книгам крупных писателей, кого из русских ему взять, и мы с коллегой не задумываясь и одновременно ответили — Тургенев. Учил ли он далее русский по Тургеневу, сказать, однако, не могу.

Русскую художественную литературу в переводах он знал очень хорошо. Кроме того, из бесед явствовало, что он читал «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, очень крепко держит в уме Бахтина и Шкловского. О последнем он специально меня расспрашивал, поскольку на немецкий язык слово «остра-

нение» переводится как *Verfremdung*, т.е. является однокоренным с *fremd* — «чужой» — и с *Entfremdung* — «отчуждение», — есть ли такая связь в русском языке, и мне пришлось вспоминать тот общеизвестный у нас эпизод, что изначально это слово было написано у Шкловского как «остраннение», и в русском, пусть и не так прямо, отсылает с «страннику» и «чужестранцу», а потому немецкий перевод вполне хорош и выстроенные на связи чуждости, остранения и отчуждения ходы мысли, по меньшей мере лингвистически, не висят в воздухе.

Вспоминая Вальденфельса, я почему-то всегда начинаю улыбаться. Что-то было в его всклокоченности, иронии и проницательности — он был одним из самых тонко чувствующих и мыслящих людей, которых мне довелось знать, — что делало мир сложнее и ближе, что делало мир лучше. Причина этого, мне думается, в том, что ему было дело до людей.

Известно, что как исследователь-феноменолог и как профессор философии большую часть жизни Вальденфельс работал в университете города Бохума. Этот университет и его студенты, и профессора, и не принадлежащие академической среде немцы часто называют *Rote-Ruhr-Universität-Bochum* («красный университет Бохума»). Это неслучайно. Этот университет — в противоположность «розовому» Вупперталю и «коричневому» Дуйсбург-Эссену — действительно является красной цитаделью в академической, культурной и политической жизни на Западе Германии. Нет сомнений, что Вальденфельс участвовал в ее возведении. Он не только значимая часть феноменологического движения, но и часть движения освободительного. Теперь уже часть их истории. Но история имеет силу.

Николай Нахшунов
(Новое литературное обозрение)

Чужому больно

Встречей с Бернхардом Вальденфельсом я обязан Татьяне Вайзер, познакомившей меня с респонзивной феноменологией, ее применимостью к эмпирическому материалу (в частности, российской публичной сфере) и некоторыми англо- и русскоязычными рецепциями, которые впоследствии послужили опорой для методологии моей магистерской диссертации в Шанинке. Позже, в 2023 году, по приглашению Татьяны я принял участие в летней школе «Борьба за внимание в публичной сфере. Перспектива критической феноменологии» в Дрезденском университете[9]. Среди приглашенных преподавателей был и профессор Вальденфельс. Мои реминисценции преимущественно будут посвя-

9 Международная летняя школа «Борьба за внимание в публичной сфере. Перспектива критической феноменологии» // Новое литературное обозрение. 2024. 187 (3). С. 417–428.